

Судьба

Тюмень встретила огромной толпой у железнодорожных касс. Переполненные залы ожидания равномерно жужжали, прерываясь громкими объявлениями разного содержания. Отдельные ряды сидений были целиком заняты бомжами. Издержки перестройки: обманутые, обобранные, насильно выброшенные люди, теперь никому не нужные, цеплялись за малейшую возможность существования хотя бы таким способом. Оскорблённые безжалостностью и бесчеловечностью, они караулили мгновение опорожнения стеклотары и ненужность остатков еды с тем терпением, которое присуще животным. И по-собачьи смотрели в глаза тем, кто расщедрился на подачку, повилывая перед благодетелем местом, где должен быть хвост. Зрелище было не для слаонервных, поэтому хотелось скорее домой, в благополучие. Тратя невероятные усилия на то, чтобы купить билет под давлением огромной толпы, наконец-то выдавливаюсь, как паста из тубика. А через час уже еду на Север в вагоне, где проводница усердно кочегарит печку и следит за тем, чтобы в термосе постоянно был кипяток.

Вагон пропитан специфическим запахом туалета, пыли и человеческого пота. Откуда-то повеяло свежим огурцом. Это мой будущий сосед собрался перекусить.

— Максим Федотыч, — представился попутчик. — А вас как звать-величать?

Долгая дорога располагает к длинным разговорам за полночь. За окном мелькают леса, перелески, аккуратные стожки, чуть припорошенные снегом. Чем ближе к Северу, тем меньше деревьев, зато болота тянутся сплошняком.

Перекусив и попив чайку, я забралась с ногами на полку, а Максим Федотыч аккуратно сложил остатки провизии в пакет:

— Это ж надо до чего додумались! Бросаешь в кипяток содержимое пакетика и — вот тебе пюре или плов. Нам бы такое на фронте очень кстати было бы, а то в основном тушёнку с хлебом выдавали, да и то не всегда.

— Воевали? У меня отец тоже всю войну прошёл.

— Я не всю. В сорок третьем призвали, но до Берлина дошёл!

Максим Федотыч достал фотографию:

— Вот каким я был тогда.

С фотографии на меня смотрели несколько молодых парней, бесшабашных с виду и разухабистых, а в глазах — напряжение. Здесь они ещё живы и здоровы.

— Это Гиви — грузин, погиб почти сразу, в первом же бою. Это Ренат — татарин, погиб в Польше, это Петро — украинец с Полтавщины, был тяжело ранен, перенес не одну операцию, а в День Победы помер, даже так бывает. Это Касым из Казахстана. До сих пор переписываемся. В гостях у него был в Тургайских степях. Удастся ли еще свидеться, не знаю. Перестроились так, что теперь на пенсию не то что поехать, прокормиться невозможно. Кто-то решил нас на измор взять: выживем, не выживем? Зарплату по полгода не дают, а почему, знаешь?

— Нет денег в бюджете?

— Всё у них есть! Политика такая, акции у народа выманить, чтобы основной пакет у них был, а народу — шиш.

— И продают?

— За копейки! Лишь бы выжить сейчас.

— А может, что не делается, всё к лучшему?

— Куда уж лучше! Пенсия у меня — плакать хочется. За это разве я воевал? Отец твой не жалуется?

— Нет его давно, от ран скончался.

— Не дожил, значит. Похоже на то, что нас истребляют, кому-то мы очень мешаем.

— На землю нашу всегда зарились, богатств в ней много.

— Но и защищаться мы тоже умеем!

Максим Федотыч вложил фотографию в паспорт, руки его слегка подрагивали и надолго умолк, вглядываясь в законную панораму. Что он там видел? Картины былых сражений или живые лица боевых друзей? Я предложила соседу попить, но он отказался. Тогда я налила в стакан колы.

— А я бы кваску ядрёного домашнего сейчас выпил. Марьюшка у меня мастерица готовить, квас у неё особенный, по старинным рецептам, никакие заморские штучки с ним не сравнятся! Как-нибудь доведётся, угощу, в одном городе живём.

Я ведь мальчонкой шустрым был, бабушка, царство ей небесное, непоседой называла. В кузне всё пропадал. Сильно нравилось мне, как молоточки перестукиваются, а железо под руками кузнеца превращается в подкову, в топор или совок. Поначалу

кузнеца превращается в подкову, в топор или совок. Поначалу только музыку слушал да приглядывался, а потом и помогать стал. Ох, и гордился я этим! Как же, почти кузнец! В шестнадцать лет, когда кузнец по весне под лёд провалился да и сгинул, стал молотобойцем.

На деревне меня уважали за добрый нрав и трудолюбие, богатые невесты заглядывались. А мне по сердцу пришлась тихая и незаметная Сашенька. Её светлые кудельки да небесного цвета глаза так в душу запали, что сердце при виде девушки таяло необыкновенно. Поженились. Для начала небольшой дом справили. Кузнечное дело на селе всегда доходным было. А как сам кузнецом стал, так и вовсе справно зажили. Саша была толковой, понятливой. Видела, что я для семьи стараюсь, так и не перечила ни в чем, помогала где советом, где делом. Дружно мы жили, ничего, кроме нежности, Сашенька у меня не вызывала, жалел её очень.

Когда дети пошли, чем мог, помогал. Сначала Алёшка у нас появился, потом Иван, потом Машенька... Алёшка целыми днями с малку на реке пропадал. Рыбу удил, сам солил и сушил, на зиму по три мешка заготовливал. Иван-домосед! Тот больше живностью занимался. Запруды уткам строил, кормил их по часам, травой обеспечивал. Младшенькая под крыльцом с подружками в куклы играла. Вытащить оттуда её было невозможно, только сладким и выманивали. До сих пор у меня перед глазами стоит та предвоенная жизнь: справный двор, здоровые детки и Сашенька — весёлая, озорная. Лицо её с ямочкой на щеке так и светится счастьем. Последнее время на сносях она была. Все говорила: «Глянь, какое чудо мы с тобой сотворили, новым людям на свет явиться помогли, скоро ещё один будет! Хоть бы здоровыми были да хорошими, храни их, Господи!» Словно чужая беду великую.

Война обрушилась на всё человечество как снежная лавина. Страшное испытание она уготовила и народу нашему. В ноябре 1942 года мне бронь наконец-то отменили, еле допросился на защиту Отечества. После ускоренной «учебки» направили в стрелковый полк, в пулемётно-артиллерийский батальон. Дали противотанковое ружьё. Пристреливаться пришлось прямо на поле боя. Кругом подснежники цветут, озимые зеленеют, а ты учишься убивать, чтобы не позволить врагу себя одолеть.

Километры военных дорог, жестокие бои сняты до сих пор, хотя времени прошло больше чем полстолетия. Непонятно откуда силы брались сутками находиться в окопах без сна и еды, умываться и бриться, а между передышками подбивать танки.

Мол, судьба была живым остаться? Что под пули понапрасну голову не подставлял? Что хлебнул через край всякого, а ни царапины! Совестился я перед бабами сильно, и Сашенька моя глаз счастливых не поднимала, прятала.

Раскидала война солдат по разным дорогам. Кто без вести пропал, кто погиб геройски, кого вместе с врагами в одной могиле похоронен, кто покалечен, а я вот вернулся.

Ребятишки за два года подросли — не узнать, старший совсем взрослым стал, самостоятельным. Батьку заменил, не оплошал. На младших баском покрикивает, а те слушаются, не перечат. Саша от радости и растерянности то за одно схватится, то за другое, на лавку сядет, любитесь мной, поверить не может в счастье, гимнастерку то к груди прижмет, то понюхает, то погладит, пока Алёшка не напомнил:

— Мам, ты воды горячей давай! Да с одежей поаккуратнее, может, её пропарить сначала надо.

Ванюшка как встал около отца, так и не отошёл ни разу, подарки все сразу в охапку схватил: зажигалку из гильзы, простреленную фляжку и пилотку, в которой потом и спать лёг. Машенька поначалу дичилась, всё за печкой пряталась. Как ни пытались её оттуда и пряником выманить, и кусочком сахара, но она стрелнёт на угощение хитрыми васильковыми глазёнками, и опять за печь! Головка светленькая, пушистая, как одуванчик. В мать пошла.

Вдыхая аромат, исходящий от головки младшенького Максимики, я переполнялся счастьем и состраданием к жене: как же она смогла в такое жуткое время выходить всех, сохранить. Малыш что-то лопотал, хлопал в ладоши, заглядывал в глаза и закатывался весёлым смехом.

От прикосновения детских ручонок накатывала волна такой нежности, что никакого сердца не хватало, дух захватывало.

Ночью жена рассказывала о положении дел в селе: кузня совсем развалилась, из хозяйства только коза и собака... лелея раненую от фляжки руку мужа, обдавая теплым родным дыханием, тем самым, которое там, на фронте, больше всего вспоминалось, Саша успокаивала:

— Ничего, Максимушка, всё будет ладно, ты только не переживай! Главное, что ты жив! У людей чуть не в каждом дворе

лихо! Авдюхины — отец и оба сына сгнули, Агафья каждый день голосит. Ребровы без кормильца остались, как Анюта ораву девок своих поднимать будет? Старая Микулишна старшего в финскую-то потеряла, а теперь и вовсе одна осталась, ослепла вконец от слёз. Алёшка с Иваном бегают, помогают, чем могут.

— Ничего, Сашенька, только бы на ноги встать, кузню поправить, как-нибудь выправимся. Али не русские мы? И не из таких прорух поднимались.

— Мне Алёша про птицу Феникс рассказывал, как она из пепла возрождалась, в школе они учили, может, и у нас всё образуется.

— Руки, ноги есть, голова цела, а остальное теперь от нас зависит. Главное — гидру эту железную и хвостатую одолели! До сих пор сам не знаю, как живым остался. Видно, не судьба помереть. Снайпер однажды стрельнул, а я только фляжку ко рту поднёс, пробило её насквозь, а щеку только теплом обдало, да руку поранило. Ты не представляешь, сколько железа мне повидать пришлось, вот бы его всё на пользу человечеству пустить, лопат наделать, тяпок, да накормить всех.

— И кто ж эту войну придумал?

— Сдается мне, не один Гитлер. Во всей Германии, наверное, столько денег не наскребёшь, сколько на эту войну брошено было. Кто-то сильно богатый разорялся, так ему хотелось нас одолеть, землицей нашей попользоваться.

— Ой, Максимушка, страшно мне, а вдруг кто опять позарится? Не дадут нам оклематься.

— Чудно ты разговаривать стала! Словечек разных набралась.

— Это от Алёшки с Иваном. Как ты думаешь, снова на нас не полезут?

— Не, они теперь раны зализывать долго будут. Деньжищ потратили тьму тьмущую, а трофеев — шиш! Только и того, что до Москвы награть успели. Мне сон какой-то один и тот же снится. Поле. На нём танк со свастикой покорёженный. Я к нему ползу, хочу по второму танку из-под этого ударить. А у него башня вдруг вращаться начинает, и дуло прямо на меня в упор. Я в него вглядываюсь, а там глаз кровью налитый таращится. Руки у меня ватными делаются: хочу гранату бросить, сил нету, хочу эту гадину добить, винтовка без патронов. Я тогда руками в это дуло лезу, а они у меня вытягиваться начинают и из ключиц выворачиваться, я от боли кричу и просыпаюсь. Сразу на руки! Целёхоньки, на месте. На душе радостно становится. А с другой стороны

думаю, сколько я этими руками народу подневольного загубил, неужто они так уж воевать хотели? Не предназначен я убивать. Мне бы вот по кузнечным делам практиковаться!

— Ты ж, Максимушка, это по необходимости делал. Родину защищал!

— То-то и оно, по необходимости! А по совести души человеческие губить было страшно, хоть и злость на них была такая, что не передать. Видела бы ты их глаза насмерть перепуганные, заячьи совсем.

— Так сами же полезли. Хотели с маком, а получили с никаком!

Сашенька чувства свои раскрывала только по ночам, а днём ходила строгая, неприступная. Перед соседками-вдовами виноватилась. Сглазу боялась пуще всего. А бабы без мужиков зверели. Только работой да заботами и спасались. Вечерами на посиделках собирались Сначала помянут своих героев полным стаканом самогону, помолчат, потом разговорятся, поплачут, вспомнят:

— Какой Егор у меня был! Добрый... поколотит, бывало, а потом и не знает, как угодить. А я ж, сами знаете, отходчивая. Никогда зла на него не держала.

— А у меня Ваня серьёзный был. Суровый. Слова лишнего не скажет. Зато в постели такой ласковый, такой ласковый, что забывала я про всё на свете.

— А мой Коленька? Вы ж, бабы, помните. Всё балагурил. Молодух щупал. А я и не обижалась. Натура у него такая была. Для форсу всё. А я теперь дома без него... Что, девоньки, может, споём?

Так пели, что душа наизнанку выворачивалась. А потом самая озорная, Ефросинья Пяткина, начинала петь частушки. Её чистый высокий голос разносился по всему селу:

Ой ты, миленький мой,
Что же делать мне с собой,
То ль морковкой объедаться,
То ли сахарной свеклой!

Посиделки помогали нашим русским женщинам не сломаться, пережить самое тяжёлое время. Много горя легло на плечи наших баб. По 10—12 душ у многих осталось без кормильца, а они песни распевают да выплясывают, отбивая каблуками всю злость и на судьбу, и на всю эту незавидную жизнь.

— Женщины тоже всякие бывают. Были и такие, что муж на фронт, а она...

— Я говорю о других, о тех, кто всю тяжесть войны на себе вынес честно и мужественно, кто работал ради победы без сна и отдыха, кто молился за нас каждую минуту и думал о встрече. Они ведь никому не жаловались. После войны кто страну поднимал, когда почти четверть мужиков домой не вернулась? Кто над индийскими фильмами плакал, думая о своём? Кто книжки покупал только про хорошую жизнь и про любовь? Не хватало этой самой любви после войны вдовам да сиротам.

А Сашенька моя отчего-то всё больше худела. То ли надорвалась без меня, то ли от беременности. Радовалась, что новая жизнь в ней зародилась, в глазах особый свет появился. Я был не против и мечтал о пополнении семейства. Но рождение дочурки досталось дорогой ценой. Не оправилась после родов Сашенька, угасла, как уголёк-огонёк в нашем костре счастья. Без неё и у меня в душе пусто стало. Будто сердце вынули. Вот когда я выплакался за всё, что пережил. Но легче не стало. Не знал, как теперь жить, как с детьми управляться. Не по силам мне был этот груз. А Сашенька без меня справлялась! А тут куда ни кинь, всюду клин. Не успел одну прореху залатать, на подходе уже другая. Благо, малышка росла спокойной: насосётся жёванки и сопит в тепле на печи. Мальчишки хорошо помогали. Алёшка пеленать и купать наловчился, Ванюшка — стирать да варить, Маняша — за кормёжкой следить. Максимка и тот при деле был, люльку качал. Так и перебивались. Соседи тоже не забывали, помогали, кто, чем мог. Молодух засидевшихся сватали. Женихов-то в селе почти не было, а жизнь своего требует. Но я вести жену в дом не торопился. Сашенькин дух долго не выветривался, в каждой черепушке тепло её рук ощущалось. Не хотелось этого разрушать.

Однажды, по весне, приехали родственники покойной жены, привезли молочную первотёлку для малышки. Я очень обрадовался кормилице. Пригласил гостей в дом. А там обомлел, увидев свою Сашеньку помолодевшей и живёхонькой. Те же кудель-

ки светятся, те же васильковые глаза. Потом узнал, что это Марья, двоюродная сестра Саши. Глаз от неё не мог оторвать, так похожа была на ушедшую безвременно любовь.

Родственники интерес заметили, принялись за дело. Говорили: «Максим хоть и с довеском, а мужик цепкий, хозяйственный, непьющий. Марья за ним не пропадёт, да и детям мамка нужна». Сговаривались недолго. Марьюшка сразу к сердцу пришлась, то ли сходством с Сашенькой, то ли добрым отношением к сиротам. Тихая и покладистая, она умело повела хозяйство, все у неё спорилось. Вот только близости не получалось. Меня очень беспокоило то, что нужды в женщине не испытывал, но положения исправить не мог.

Однажды пошла Марьюшка телушку искать и пропала. Я забеспокоился, навстречу пошёл. Нашёл её за селом в перелеске, ногу подвернула, ступить не может, плачет. Увидела меня, обрадовалась, глаза такой радостью засветились. Я ногу Марье поправил, взял на руки и понёс домой. А она обвила шею руками, прижалась губами к уху и что-то шепчет, рассказывает, дышит жарко и часто. Потом несмело поцеловала в мочку, потом в щёку. Кровь ударила мне в голову, ноги затяжелели, руки ослабели. Нахлынуло такое желание любить и целовать.

— Марьюшка, солнышко моё, зорюшка ясная, звёздочка ненаглядная...

Откуда только слова брались.

Через год родилась Сашенька, потом Лёничка родился, последыш. Чтобы детей на ноги поставить, на Север подались. Все тяготы северные вместе переживали. Зато какие красивые города построили, удобные для жизни. А дети уже давно выросли. Алёшка в Мурманске капитанит. Ванюшка в целинном совхозе верховодит. Машенька на Дальнем Востоке людей лечит. Максим в строительстве на Урале. Любаша учительствует в Новосибирске. Сашенька в Москве музыку преподаёт. А Леонид тут, на Севере, верхолазит по электролиниям. Суший атаман!

Вот так в заботах и не заметил, как старость подкралась. На пенсии я. Еду к Леониду повидаться с внуками. Им всё некогда. Где-то читал, что человек проходит испытание жизнью, если все изломы её преодолет, не оскотинится, человеческие качества не растеряет, значит, есть сила воли и характер, стержень этот самый, на котором Русь наша держится. Я вот не растерял как будто! Надеюсь, и внуки в меня пойдут, — подытожил наш разговор Максим Федотыч и вышел покурить.

За окном царствовала полярная ночь. Какие сны она посылала спящим в вагоне людям, рассыпаясь звёздным фейверком? Какими надеждами одаривала тех, кто прожил трудную, но честную жизнь.

1994